

19 янв 40 6

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ**О правилах грамматики и о законах театра**

Б. Чуковский в статье «Искаленный Шекспир» («Правда» от 25 ноября пр. года) критикует переводчицу Шекспира А. Радлову за неточность, отрывочность фраз, уничтожение интонаций Шекспира.

Правильно ли это обвинение?

В одном из русских переводов гениальной драмы Шекспира Гамлет произносит следующую фразу: «Зайдем за куст и станем наблюдать». Со стороны грамматической здесь все вполне благополучно. Со стороны художественной эта верно построенная фраза глубоко фальшива. Вспомним ситуацию: Гамлет взволнован, Гамлет поражен, трудно допустить, чтобы в такую минуту он изъяснялся грамматически законченными, «круглыми» предложениями. Достаточно одного восклицания, жеста, взгляда.

Заглянув в подлинник, убедимся, что мы не ошиблись в своих предположениях: у Шекспира Гамлет восклицает: «Смотри!». Одно быстрое слово: оно заключает в себе во много раз больше экспрессии, чем длинная фраза переводчика. Шекспир мыслит театрально, переводчик лишен этого чувства театральности, он прав лишь в пределах синтаксиса.

Общезвестно, что Шекспир писал для театра. Его слово всегда глубоко театрально, рассчитано на произнесение актером, рассчитано на все средства актерской выразительности — интонацию, мимику, жест, движение. Текст Шекспира необходимо рассматривать всегда как элемент спектакля, иначе никогда его не удастся понять по-настоящему полно и серьезно.

Забывая о законах театра, о законах живого сценического действия, можно, например, удивляться предельной краткости реплик Лездемоны в сцене с Отелло, предшествующей удушению. Но, вспомнив внутренний ритм и бешеный темп этой сцены, мы понимаем, что лаконизм этот неизбежен и чрезвычайно выразителен.

Быть может, со стороны грамматической показались бы более уместными и убедительными фразы более распространенные, но они противоречили бы правде сценических чувств. Как актер, много лет играющий Отелло, могу засвидетельствовать, что предельно сжатый текст перевода А. Радловой дает мне и моим партнерам возможность провести эту сцену в нужном темпе. Упрек, что лаконизм перевода А. Радловой обедняет интонационную палитру актера, совершенно безоснователен. Именно лаконизм восклицания Отелло в монологе 3-го акта «Черный я» позволяет мне вложить в него всю боль раздраемого сомнениями сердца Отелло, его горечь, детское отчаяние, тоску вечного одиночества, все противоречивые чувства, бушующие в тот момент в Отелло.

Только благодаря указанному лаконизму перевода возможно рельефное противопоставление в этом монологе тех крайностей, между которыми изнемогает душа Отелло... «Я отпущу тебя — лети по ветру», и через несколько строк: «мне лучше б жабой стать в подземельи, чем другому дать воспользоваться хоть клочком того, что я люблю».

Столь же неубедительным кажется мне соображение, что краткость перевода А. Радловой делает его трудным для восприятия.

10 декабря исполнилось 4 года, как Малый театр ставит «Отелло» в этом переводе. За это время, а также в течение 3-месячной репетиционной работы, над спектаклем мне никогда не приходилось слышать ни от товарищей по работе, ни от многочисленных зрителей, видевших спектакль, что текст непонятен.

После того горячего приема, которым неизменно пользуется спектакль «Отелло» в Малом театре со дня премьеры, мне было странно услышать обвинение, что мы играем «искаленного Шекспира».

Народный артист Союза ССР
орденоносец А. ОСТУЖЕВ.